

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Том 30, №4

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2025

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Vol. 30, №4

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2025

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2025 Том 30, № 4

Раздел I. АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

Гатин М.С., Абзалов Л.Ф., Мустакимов И.А., Почекаев Р.Ю. Эволюция статуса раиса в государствах Средневековья и Нового времени (опыт сравнительного анализа)	7
Горячев А.А. Захоронения кремированных останков в керамических урнах по материалам могильников эпохи бронзы Семиречья (Юго-Восточный Казахстан)	26
Марсадолов Л.С. О каменных изваяниях из Тувы (по материалам экспедиций Александра Даниловича Грача)	50
Пилипенко А.С., Трапезов Р.О., Черданцев С.В., Томилин М.А., Папин Д.В. Предварительные результаты палеогенетических исследований Бобровского грунтового могильника (леосостепной Алтай)	70
Ходжаева Н.Дж. К вопросу о семантике изображений на крышке сосуда с Тахти-Сангина	93
Шнайдер С.В., Холматов Н.У., Рахимжанова С.Ж., Федорченко А.Ю., Рендю У, Марковский Г.И. Неолитические материалы со стоянки Тепакуль-4 (Зеравшанский хребет, Узбекистан)	114

Раздел II. ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Китинов Б.У. Туглук Тимур и особенности политico-религиозного развития Могулистана (середина XIV в. — начало XV в.)	137
Баимов А.Г., Тузбеков А.И. Эзотерики в археологическом пространстве Республики Башкортостан: нетнографическое исследование	165
Петров И.Г. Пища и связанные с ней запреты и ограничения в похоронно- поминальной обрядности чувашей	187
Садалова Т.М. О характеристиках богатырского лука в эпических сказаниях.....	205

Раздел III. РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Ворошин С.Д. Репрезентации феномена святости в искусстве строгановских вотчин в контексте государственно-конфессиональной политики	220
Дашковский П.К., Ильин В.Н. Численный состав и классификация старообрядцев Томской губернии в последней четверти XIX — начале XX в. в контексте государственно-конфессиональной политики Российской империи	240
Чуркин М.К., Маткаrimова С.М., Абдуллаева Н.Б. Дискурс и практики переселенческого дела в Туркестанском крае во второй половине XIX — начале XX в.: этноконфессиональный аспект	259

ДЛЯ АВТОРОВ

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2025 Vol. 30, № 4

Section I. ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Gatin M.S., Abzalov L.F., Mustakimov I.A., Pochekaev R.Yu.</i> Evolution of the legal status of ra»is in the states of Medieval and Modern Ages (comparative analysis).....	7
<i>Goryachev A.A.</i> Cremated remains in ceramic urns from Bronze Age burials in South-Western Semirechye	26
<i>Marsadolov L.S.</i> On stone sculptures from Tuva (based on the materials of the expeditions of Aleksandr Danilovich Grach).....	50
<i>Khojaeva N.J.</i> On the semantics of images on the lid of a vessel from Takht-i Sangin	70
<i>Shnaider S.V., Kholmatov N.U., Rakhimzhanova S.Z., Fedorchenko A.Y., Rendu W., Markovskii G.I.</i> The Neolithic complex of the Tepakul-4 site (Zeravshan range, Uzbekistan)	93
<i>Pilipenko A.S., Trapezov R.O., Cherdantsev S.V., Tomilin M.A., Papin D.V.</i> Preliminary results of paleogenetic studies of the Bobrovsky ground burial (forest-steppe Altai)	114

Section II. ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Kitinov B.U.</i> Tughluk Timur and the Peculiarities of the Political and Religious Development of Moghulistan (mid-14th century — early 15th century)	137
<i>Baimov A.G., Tuzbekov A.I.</i> Esoterica in the archaeological space of the Republic of Bashkortostan: netnographic research	165
<i>Petrov I.G.</i> Food and related prohibitions in Chuvash funeral and memorial rites.....	187
<i>Sadalova T.M.</i> On the characteristics of the Heroic Bow in Epic Tales	205

Section III. RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSITIONAL RELATIONS

<i>Voroshin S.D.</i> The phenomenon of holiness and its representations in the art of Stroganov estates in the context of state-confessional policy	220
<i>Dashkovskiy P.K., Ilyin V.N.</i> Numerical structure and classification of the old believers of the Tomsk province in the last quarter of the 19 th — beginning of the 20 th centuries in the context of the state-confessional policy of the Russian empire	240
<i>Churkin M.K., Matkarimova S.M., Abdullaeva N.B.</i> Discourse and practices of migration in Turkestan region in the second half of the 19 th — early 20 th centuries: ethno-confessional aspect	259
FOR AUTHORS	280

УДК 94 (470)

DOI 10.14258/nreur(2025)4-13

М. К. Чуркин

Омский государственный педагогический университет, Омск (Россия);
Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения РАН, Тобольск
(Россия)

С. М. Маткаримова, Н. Б. Абдуллаева

Университет Мамуна, Хива (Республика Узбекистан)

ДИСКУРС И ПРАКТИКИ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО ДЕЛА В ТУРКЕСТАНСКОМ КРАЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.: ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Цель настоящей статьи заключается в раскрытии содержания дискурса переселенческого дела как системы властных представлений об этноконфессиональном аспекте колонизации Туркестанского края, обусловивших решения, связанные с водворением и обустройством в регионе мигрантов из европейских губерний России во второй половине XIX — начале XX в. Основные задачи исследования предполагают выявление круга акторов властного дискурса, а также соотнесения этнического и религиозного фонов колонизации с практиками, адресованными непосредственно субъектам переселенческого дела — крестьянам, вышедшим на переселение из Европейской России. С опорой на опубликованные и неопубликованные источники было определено, что процесс становления и последующей эволюции переселенческого дела в регионе, субъекты которого — крестьяне европейской части России — объявлялись трансляторами русской цивилизаторской миссии, находился в тесной зависимости от широкого спектра обстоятельств, испытывая воздействие внешней этнокультурной и конфессиональной среды. В ходе исследования установлено, что «пластичность» имперской политики в этнокультурной сфере часто оборачивалась конфронтацией переселенцев с коренными группами населения Туркестана, а политика власти в отношении ислама активизировала деятельность мусульманских пропагандистов, значительно снижая продуктивность поддержки русских переселенцев в регионе.

Ключевые слова: Российская империя, Туркестанский край, переселенческое дело, переселенцы, коренное население

Для цитирования:

Чуркин М. К., Маткаримова С. М., Абдуллаева Н. Б. Дискурс и практики переселенческого дела в Туркестанском крае во второй половине XIX — начале XX в.: этноконфессиональный аспект // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30. № 4. С. 259–279. DOI 10.14258/nreur(2025)4–13

Чуркин Михаил Константинович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета, Омск (Россия); главный научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения РАН (ТКНС УрО РАН), Тобольск (Россия). **Адрес для контактов:** proffchurkin@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1122-0928>

Маткаримова Садокат Максудовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории университета Мамуна, Хива (Республика Узбекистан). **Адрес для контактов:** sadokatmatkarimova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4641-8686>

Абдуллаева Назокат Бахтияровна, доцент кафедры имстории университета Мамуна, Хива (Республика Узбекистан). **Адрес для контактов:** nazokata465@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0003-4087-3025>

M. K. Churkin

*Omsk State Pedagogical University, Omsk (Russia);
Tobolsk Integrated Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences, Tobolsk (Russia)*

S. M. Matkarimova, N. B. Abdullaeva

Mamun University, Khiva (Republic of Uzbekistan)

DISCOURSE AND PRACTICES OF MIGRATION IN TURKESTAN REGION IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES: ETHNO-CONFESSİONAL ASPECT

The purpose of this article is to reveal the content of the discourse of the resettlement case as a system of power ideas about the ethno-confessional aspect of the colonization of the Turkestan region, which determined the decisions related to the settlement and settlement in the region of migrants from the European provinces of Russia in the second half of the 19th — early 20th centuries. The main objectives of the study involve identifying the circle

of actors of the power discourse, as well as correlating the ethnic and religious backgrounds of colonization with the practices addressed directly to the subjects of the resettlement case — the peasants who migrated from European Russia. Based on published and unpublished sources, it was determined that the process of formation and subsequent evolution of the resettlement case in the region, the subjects of which — the peasants of the European part of Russia were declared translators of the Russian civilizing mission, was closely dependent on a wide range of circumstances, experiencing the influence of the external ethnocultural and confessional environment. The study established that the “plasticity” of imperial policy in the ethnocultural sphere often resulted in confrontation between settlers and the indigenous population groups of Turkestan, and the government's policy towards Islam intensified the activities of Muslim propagandists, significantly reducing the productivity of support for Russian settlers in the region.

Keywords: Russian Empire, Turkestan region, resettlement, settlers, indigenous population

For citation:

Churkin M. K., Matkarimova S. M., Abdullaeva N. B. Discourse and practices of migration in Turkestan region in the second half of the 19th — early 20th centuries: ethno-confessional aspect. *Nations and religions of Eurasia*. 2025. T. 30 № 4. P. 259–279 (in Russian).

DOI 10.14258/nreur(2025)4–13

Churkin Mikhail Konstantinovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History, Omsk State Pedagogical University, Omsk (Russia); chief researcher of the Tobolsk Integrated Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (TKNS Ural Branch of the Russian Academy of Sciences), Tobolsk (Russia).

Contact address: proffchurkin@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1122-0928>

Matkarimova Sadokat Maksudovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of History, Mamun University, Khiva (Republic of Uzbekistan). **Contact address:** sadokatmatkarimova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4641-8686>

Abdullayeva Nazokat Bakhtiyarovna, Associate Professor, Department of History, Mamun University, Khiva (Republic of Uzbekistan). **Contact address:** nazokata465@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0003-4087-3025>

Введение

Тема переселенческого движения на восточные окраины Российской империи относится к категории достаточно полно освоенных историографических сюжетов [Абашин, 2008; Брежнева, 2018; Цыряпкина, 2022], а утверждение русской оседлости в Центральной Азии, в частности в Туркестанском крае во второй половине XIX — начале XX в., рефлексируется современными исследователями в ракурсе имперской парадигмы [Кирильчик, 2021; Абашин, 2016; Ремнёв, Суворова, 2008; Дашковский, Шершнёва, 2015], частью которой является осмысление иноэтничного и иноконфессионального компонентов переселенческого дела [Иноярова, 2023; Ерохина, Шайдуров, 2023]. В тे-

кущкой историографической ситуации становится очевидным и оправданным интерес научного сообщества к имперскому измерению истории, в системе координат которого оказываются не столько формы политической организации пространства, сколько сложные блоки коммуникации между центром и окраинами, локальными сообществами и уровнями власти, акторами имперской политики, а также способы трансляции представлений власти и общества о моделях освоения территорий и населения в дискурсивных практиках. В данном отношении переселенческое дело в Туркестанском крае как инструмент имперского утверждения в регионе может рассматриваться в двух аспектах. Во-первых, как маркировка империей колонизуемых пространств Центральной Азии в качестве «своих», в отношении которых российское государство реализует практики доминирования и принуждения [Тольц, 2013; Чуркин, 2024]. Во-вторых, включённость Туркестанского края в исследуемый период в geopolитический формат «большой игры» в Центральноазиатском регионе, преобладание коренного населения, придерживавшегося мусульманства, и слабость русского влияния так или иначе способствовали пластичности и вариативности стратегий империи в реализации политики населения, что конструировалось в дискурсе власти и наглядно отражалось в практиках организаций переселений в Туркестан, водворения и обустройства там миграционного элемента.

Целью статьи является раскрытие содержания дискурса переселенческого дела как системы властных представлений об этноконфессиональном аспекте колонизации Туркестанского края, обусловивших решения, связанные с водворением и обустройством в регионе мигрантов из европейских губерний России во второй половине XIX — начале XX в. Решение задач исследования предполагает выявление круга акторов властного дискурса, а также соотнесения этнического и религиозного фонов колонизации с практиками, адресованными непосредственно субъектам переселенческого дела — крестьянам, вышедшим на переселение из Европейской России.

В качестве методологической рамки предлагается обращение к подходам новой имперской истории как исследовательского направления, сторонники которого предполагают оценивать колонизационную деятельность Российской империи в отношении азиатской периферии вне контекста и содержания модернизации и вестернизации, поскольку Россия в означененный период сама являлась объектом западной культурной экспансии. При этом, как утверждал С. Беккер, по отношению к своим «колонизуемым» соседям Россия позиционировала себя «...так же, как Запад — по отношению к своим заморским соседям, т. е. как государство, чье технологическое и организационное превосходство не оставляло этим соседям шанса перед лицом его экспансионистского драйва» [Беккер, 2004: 69]. В параметрах современной империологии появляется возможность, опираясь на дискурс власти и общества, проследить, каким образом в проектах и практиках переселенческого дела в отдалённом географически и сложно устроенном в этноконфессиональном плане регионе происходил процесс преодоления культурных различий, а также насколько продуктивными были эти попытки.

Достижение цели и решение поставленных задач может быть реализовано с опорой на широкий, насколько это возможно в рамках статьи, круг источников делопроизводственного характера. К их числу относятся разновременные отчёты и доклад-

ные записки имперских экспертов — чиновников, побывавших в Туркестане на рубеже XIX — XX вв. в служебных командировках с целью ознакомления с постановкой переселенческого дела; отчёты и доклады военных губернаторов, адресованные высшему краевому начальству, извлечённые из архивных фондов; свидетельства непосредственных участников колонизации региона, облечённые в форму научно-публицистических текстов и воспоминаний о своей службе в Туркестане и контактах с представителями генерал-губернаторского корпуса (К. П. фон Кауфман, М. Г. Черняев и др.).

Переселенческое дело в Туркестанском крае в дискурсе территориальной экспансии и «морального превосходства» российских колонизаторов

Российская колонизация Туркестанского края, прологом к которой в историографии принято считать взятие Ташкента русской армией под начальством генерал-майора М. Г. Черняева в 1865 г. и образование в 1867 г. Туркестанского генерал-губернаторства, стала органичным воплощением долгосрочного имперского дискурса, в границах которого вопросы обоснования территориальной экспансии и оправдания практик «освоения» культурного пространства с опорой на тезис о моральном превосходстве колонизаторов, являлись приоритетными.

Основной интенцией этого дискурса выступила, с одной стороны, эволюционистская традиция XIX в., отлившаяся в обсуждение прошлого, настоящего и будущего исторических и неисторических народов, с другой стороны, формированное в российском обществе XIX столетия мышление «в национальных категориях» [Тольц, 2013: 58–59].

Польский сепаратизм 1830–1860-х гг., дипломатические и военные неудачи России (Крымская война), противоречивое восприятие стартовавших в 1860-х гг. либеральных реформ приводили не только к конструированию травмирующей ситуации, но и стимулировали рост национального чувства и национальной идентичности в российском обществе. В некоторой степени своеобразным интеллектуальным итогом внешнеполитических и внутриполитических процессов второй четверти XIX в. стало утверждение тезиса о новых geopolитических интересах России и переориентация общественных сил и власти к обсуждению восточного вопроса и сценариев распространения империи в границах «собственного Востока» — Западной и Восточной Сибири, Степного края, Туркестана.

Почва, подготовившая российское общество к оправданию экспансии и признанию морального превосходства колонизаторов над колонизуемыми, начала «взрыхляться» ещё в 1840-х гг. в университетских практиках, публицистике и научных трудах российских востоковедов. Профессор Санкт-Петербургского университета, тайный советник, чиновник особых поручений Министерства внутренних дел В. В. Григорьев, формулируя в 1840 г. отношение России к Востоку, предрекал великое будущее стране, призвание которой заключается в том, чтобы «сохранить, устроить и просветить племена Азии» [Григорьев, 1840: 7]. Мотив культуртрегерства в представлениях В. В. Григорьева, выражавшийся в праве «устроить эти народы, научив грубых детей лесов и степей признавать благотворную власть закона» [Григорьев, 1840: 7], неизменно соседствовал с осознанием морального превосходства над «детьми природы», что объяснялось исключительными качествами русского народа. В. В. Григорьев резюмировал: «...Ос-

новные черты русской национальности: любовь к родине, единовластию, православной вере врезались глубже в нашу природу и могли уравновешивать блистательную способность славянского племени принимать в себя человеческое..., способность, дающую русскому народу первое место между племенами земли...» [Григорьев, 1840: 6].

Риторика оправдания экспансии и морального превосходства колонизаторов «собственного Востока России» в 1860–1870-х гг. приобрела монолитные формы усилиями российских национал-консерваторов, выведших на первый план лозунг безопасности империи. В российских периодических изданиях, редактируемых М. Н. Катковым («Русский вестник», «Московские ведомости»), активно педалировалась мысль о необходимости установления власти над народами, принадлежащими к неевропейскому культурному типу. При этом как достоинство Российской империи подчёркивалась способность к органическому (мирному) росту посредством смешения русских с покорёнными народами [Катков, 2009: 96]. М. И. Венюков в 1877 г. уверенno утверждал: «Невозможно оспаривать, что три народа, русский, китайский и английский, своим господством над множеством самых разнообразных племён, принесли им и вообще человечеству самую большую пользу, вызвав к мирной жизни такие племена, которые в независимом состоянии были свирепыми варварами» [Венюков, 1877: 2].

Логика «цивилизаторской миссии» в контексте колонизации территорий и населения восточной периферии трансформировалась в формулу: «...прогрессивная европейская цивилизация даёт европейцам право не применять в своих отношениях с неевропейскими обществами те моральные и политические нормы, которые считались обязательными внутри Европы» [Тольц, 2013: 126].

В этой связи организация переселенческого дела в Туркестанском крае как важной составной части имперского проекта вписывалась в единую стратегическую модель «русского дела» в Центральной Азии, что обнаруживает подтверждение в дискурсе имперских экспертов — российских чиновников центрального и регионального уровней, включённых в работу, связанную с переселенческим движением в Туркестан во второй половине XIX — начале XX в. Предваря обращение к дискурсу переселенческого дела в Туркестанский край, следует отметить несколько обстоятельств, характеризующих атмосферный фон данного процесса в стартовый период имперской инкорпорации региона в состав России.

Во-первых, переселенческое движение на восточные окраины империи в пореформенный период (1860–1870-е гг.) носило фрагментарный, стихийный и во многом самовольный характер, что определялось отсутствием тщательно разработанного переселенческого законодательства и внутритерриториальными ограничениями (выкупные платежи и затруднённость выхода из общины).

Во-вторых, легитимные переселенческие партии направлялись в азиатскую часть страны — в районы Западной Сибири и Степного края, которые были подготовлены для принятия мигрантов, путём приписки к старожильческим селениям или образования отдельных переселенческих посёлков. Самовольное переселенческое движение, представители которого ориентировались на сведения уже мигрировавших родственников и односельчан, шло в том же направлении.

В-третьих, губернии Западной Сибири находились в поле российской юрисдикции с конца XVI — начала XVII в. К середине XIX в. в районах традиционного аграрного производства (Тобольская, Томская губернии), географически и административно приближённых к Европейской России, сложился консолидированный слой русского населения, численно преобладавшего над инородческим, что освобождало имперские власти от острой необходимости селекции этнического и конфессионального состава переселенческого движения.

В-четвёртых, участники аграрных переселений в губерниях и области Западной Сибири и Степного края изначально были ориентированы на организацию в регионе во-дворения зернового хозяйства, вступившего в европейской части страны в состояние затяжного кризиса.

В означенном контексте географически отдалённый не только от метрополии, но и районов аграрной колонизации Туркестанский край, присоединённый к России военными средствами, в 1860–1870-х гг. не рассматривался общественными силами и имперской властью как регион активного земледельческого освоения, но соответствовал уже оформленшимся представлениям об империостроительстве в формате теории «большой русской нации». Артикулируемые российскими «охранителями» идеи дистиллировано выражались в формуле М. Н. Каткова: «политические и вообще национальные интересы русского народа требуют, чтобы все люди империи равно чувствовали себя русскими, а для этого нужно не переселение крестьян из одних губерний в другие, а общая неуклонно-национальная политика русского правительства» [Собрание передовых статей, 1897: 470].

В отношении к численно доминировавшему автохтонному населению Туркестана политика русификации рельефно отразилась в высказывании востоковеда В. В. Бартольда, писавшего, что «...восточные народы вернее всего поверят в превосходство русской культуры, когда убедятся в том, что мы знаем их лучше, чем они сами себя знают...» [Бартольд, 1964: 610]. Ещё более категорично о цивилизующей миссии русских в Азии высказывался В. В. Григорьев, говоривший о необходимости «...воспитать или перевоспитать, возродить или переродить большую часть народов этой стороны света..., возвысить их до себя, уподобить себе и слить в одно великое, святое семейство» [Григорьев, 1840: 7–8].

Политика населения Российской империи в Туркестане в контексте проектов организации переселенческого дела: дискурс и практики

Идея о неограниченном праве империи и её агентов осуществлять цивилизаторскую миссию на окраинах на долгие годы стала базисом российской политики населения в Туркестанском крае, определив идеологические контуры и практики переселенческого дела. Как утверждает М. Ходарковский, важной составляющей российского цивилизаторства являлась сельскохозяйственная обработка земли как необходимое условие перевода кочевников-ногомадов в оседлое состояние [Ходарковский, 2019: 10]. В данном плане принимающая этническая среда организации переселений крестьянства Европейской России в Туркестан оценивалась имперской властью в контексте политики населения и учитывалась уже в 1860–1870-х гг., когда понятие «переселенче-

ская политика» отсутствовало даже в отношении регионов активного распространения аграрных мигрантов (Тобольская, Томская губернии).

Показательными в данном аспекте являются оценки исторического опыта русской колонизации Туркестана, встречающиеся в материалах официального делопроизводства начала XX в. Так, например, военный губернатор Ферганской области Г.А. Покотило в докладе по переселенческому вопросу Туркестанскому генерал-губернатору Н.И. Гродекову отмечал, что в стартовый период завоевания Туркестана, когда край был не устроен по многих отношениях, вся политика правительства сводилась к тому, чтобы связь окраины с империей строить на чувстве довольства туземцев русской властью: «...в этом духе в дальнейшем велись и все поземельно-податные работы» (цит. по: [Абашин, 2016: 337]).

Симптоматично, что стремление к «умиротворению» коренного населения в системе координат переселенческого дела соотносилось с отсутствием чёткой организационной модели в водворении и обустройстве переселенцев. Чиновник особых поручений при Переселенческом управлении МВД Н. Гаврилов, предваряя отчёт по поездке в Туркестан осенью 1910 г. историческим очерком колонизации края и отметив факт организации там первого русского посёлка Карабалты в 1874 г., констатировал, что для водворения первых русских переселенцев не было выработано единообразного порядка, не существовало никаких законодательных определений и правил заселения, которое производилось всецело по усмотрению областной и уездной администрации [Гаврилов, 1910: 1–2]. По заключению Н. Гаврилова, подобный подход являлся основанием переселенческого дела при первых Туркестанских генерал-губернаторах — К.П. фон Кауфмане (1867–1882 гг.) и М.Г. Черняеве (1882–1884 гг.) [Гаврилов, 1910: 2].

Широкие административные полномочия и глубоко личностный характер власти в отдалённом Туркестанском kraе, при отсутствии взятной государственной программы заселения региона, способствовал саморепрезентации высшей региональной бюрократии в качестве главных устроителей административного порядка на местах и культуртрегеров коренного населения. Первый Туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман, чья военная и административная биография была тесно связана с выполнением служебных обязанностей на западных окраинах империи, являлся убеждённым сторонником политики «русского дела», и своё место в ней представляя достаточно чётко: «Если я буду умирать здесь, то буду просить чтобы меня похоронили на Константиновской площади в церковной ограде, чтобы каждый знал, что здесь настоящая русская земля, в которой не грешно лежать русскому человеку» (цит. по: [Островумов, 1899: 2]).

По свидетельству Н. Гаврилова, «к устройству переселенцев приступали без особого плана, под влиянием случайных обстоятельств... Если при первом генерал-губернаторе К. П. фон Кауфмане администрация преследовала самостоятельно поставленную цель — усиление русского элемента в kraе, то остальное время туркестанские власти и центральное правительство ограничивались принятием мер к обеспечению землёй переселенцев» [Переселенческое дело в Туркестанском kraе, 1911: 157–158]. Позднее стремление к русскому преобладанию было озвучено генерал-губернатором Н. И. Гро-

дековым, убеждённым в том, что русский посёлок в Туркестане может быть приравнен к батальону солдат [НА РУз. Ф. 7. Оп. 1. Д. 5020. Л. 41 об.].

Личная позиция первого Туркестанского генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана в отношении колонизации региона, знаковым сегментом которой являлись крестьянские переселения, основывалась на неудачном опыте активной русификации и христианизации иноэтничного населения Северо-Западного края Российской империи. В условиях Туркестана, в границах которого проживало преимущественно нерусское население, исповедовавшее ислам, Кауфман взял на вооружение модель, озвученную им в одном из первых своих всеподданнейших отчётах: «Независимо от успехов русской колонизации, которая при лучшем устройстве казачьих и крестьянских отношений к кочевникам окажет со временем прямое воспитательное влияние на массу туземного населения, уже возникает в крае и русская народная школа, откуда могут выйти наиболее положительные орудия в борьбе с невежеством туземного населения, и для укрепления нравственных связей туземного общества с новым порядком и новым отечеством» (цит. по: [Иванов, 1890: 229]).

В целом, администрации Туркестанского края в лице генерал-губернаторской власти в период с 1867 по 1884 г. придерживалась тактики «мягкой» русификации, при этом основными инструментами политики социокультурной инкорпорации коренного населения признавались образовательные практики (организация русских школ) и распространение российского аграрного опыта путём создания в регионе русских крестьянских посёлков. Примечательно, что деятельность в сфере народного образования осуществлялась довольно интенсивными темпами, что выразилось в активном обсуждении задач и перспектив образовательного дела совместными усилиями власти и общества, тогда как вопросы крестьянских переселений в Туркестан не были предметом последовательного обсуждения и нормативно-правовой кодификации.

Исследователь и современник русской колонизации Туркестанского края А. Иванов усматривал явный диссонанс между представлениями первых администраторов региона (К. П. фон Кауфмана и М. Г. Черняева) о распространении российского земледельческого опыта и правовой регламентацией переселенческого дела. По мнению автора, стремление туркестанских администраторов учитывать экономические и культурные интересы местного кочевого (киргизы) и оседлого (сарты) населения фактически сводилось к минимуму в ситуации отсутствия переселенческого законодательства и ставки на исключительно русский элемент при организации переселенческих посёлков [Иванов, 1890: 231–232]. Очевидно, что негласная установка, сообразно с которой земледельческие поселения в пригодных для аграрного хозяйства районах Сыр-Дарьинской и Ферганской областей должны быть составлены из этнически русского населения, привела к негативным результатам. Согласно статистическим данным, к концу 1870-х гг. в переселенческих посёлках Сыр-Дарьинской области числилось лишь около двух тысяч душ крестьян-переселенцев, из которых собственно крестьян насчитывалось не более 200 душ, а остальные жители были представлены нижними чинами, отставными иуволенными в запас, казачеством, крестьянами, приписанными в городах в мещанское сословие [Иванов, 1890: 233].

Красноречивым свидетельством в пользу неэффективности переселенческой деятельности в формате идеологии «русского дела» являются выводы самого К. П. фон Кауфмана, пришедшего к заключению, что так называемые колонизаторы (казаки, отставные нижние чины, мещане) в лучшем случае превращались в кулаков-арендаторов, а в худшем — «в жалких лентяев и пропойц» [Иванов, 1890: 233]. По замечанию генерал-губернатора, даже казаки, посёлённые в Семиреченской области и наделённые всеми благами земными, сами землёй не занимались, а отдавали её в аренду киргизам или пришедшим крестьянам из внутренних губерний России [Иванов, 1890: 233]. Очевидцы и участники переселенческого дела в Туркестане с горечью констатировали и факт преобладания в неорганизованном переселенческом потоке лиц, мало-пригодных для реализации в регионе принципов политики формирования «большой русской нации»: «Состав самовольных переселенцев в Кугарт — всевозможный сброд из разных областей и губерний: из Семиреченской области, из Войска Донского, Акмолинской, Томской, из Киевской губерний. Вместе с переселенцами-хлебопашцами по-набрело много разных неудачников, как то: выгнанные из полицейской службы, бывшие лесные объездчики, запасные нижние чины, совершенно отвыкшие от земледельческого труда» (цит. по: [Абашин, 2016: 344]).

Перемены в организации переселенческого дела, повлекшие за собой некоторые сдвиги в решении этнических вопросов колонизации Туркестанского края, наметились только во второй половине 1880-х гг. В 1886 г. были изданы первые законодательные акты, установившие правила водворения переселенцев в Туркестане — «Положение об управлении Туркестанского края 12 июля 1886 г.», не получившие широкой огласки [Переселенческое дело в Туркестане, 1910: 2]. Квинтэссенцией положения стала легитимация негласного тезиса высшей губернской администрации Туркестана о продолжении политики «русского дела», включенного в первый параграф документа, в котором говорилось о том, что к переселению в Туркестанский край разрешено допускать исключительно русских подданных христианских вероисповеданий, принадлежащих к состоянию сельских обывателей [Переселенческое дело в Туркестане, 1910: 3; НА РУз. Ф. И-1. Оп. 17. Д. 858. Л. 17 об.].

Важно учитывать, что принятие правил 1886 г. во многом было обусловлено не намерениями власти поставить дело крестьянских переселений в Туркестанский край на широкую государственную платформу, поскольку во властных кругах отношение к переселениям крестьян Российской Федерации в регионы азиатской периферии было сдержанно-отрицательным, а необходимостью урегулирования текущих поземельных отношений кочевого, оседлого (инородческого) и русского крестьянского элемента, мигрировавшего в Туркестан самовольно. Отсутствие специальных учреждений для контроля за водворением переселенцев, хаотичность ссудной практики крестьянских хозяйств регулярно стимулировали конфликты между самовольными переселенцами и коренными обитателями края. Старший чиновник по особым поручениям Пашкевич в докладной записке, посвящённой массовому притоку переселенцев в Кургарт и близлежащие местности, с тревогой писал: «Явившиеся в Кугартскую волость переселенцы, с семьями и имуществом, очутились в крайне тяжелом положении... Вынужденные так или иначе устраиваться, крестьяне производят самовольный захват зем-

ли, принадлежащей киргизам, причем заметно развиваются бродяжнические наклонности... Нельзя поручиться, что по возвращении киргиз с летовок на зимние стойбища между ними и русскими переселенцами не возникнут недоразумения, которые могут иметь самые серьезные последствия» (цит. по: [Абашин, 2016: 347–348]).

Кроме того, в 1880-х гг. в российском общественно-политическом дискурсе одним из ключевых являлся вопрос о культуртрегерском и колонизационном потенциале русского крестьянства, миграционную активность которого в преформенный период многие эксперты определяли как «бегство от культуры» [Кауфман, 1905: 132] и способ сохранения крестьянами-переселенцами своей сословной принадлежности, что выражалось в простом переносе моделей экономической деятельности в новые жизненные обстоятельства и консервации традиционного хозяйственного уклада [Исаев, 1891: 3; Кауфман, 1915: 30].

Риторика недееспособности российского крестьянства как субъекта колонизации и культурного влияния была буквально разлита в текстах участников переселенческого дела в Туркестанском крае на рубеже XIX–XX вв. А. Иванов, характеризуя переселенческое дело в регионе в 1880–1890-х гг., подчеркивал, что в Туркестан «идут большей частью бродяги, отыскивающие молочные реки с кисельными берегами... Идут не для того, чтобы селиться, а чтобы сесть кому-нибудь на шею и жить под опекой...» [Иванов, 1890: 242]. А. А. Кауфман в своем отчете по командировке в Туркестанский край в 1903 г. с досадой писал, что за вычетом поселков, образованных на землях Великого князя Николая Константиновича, а также раскольничих и сектантских участков, большая часть русских деревень, особенно в районе Голодной степи, пребывает в неудовлетворительном состоянии [К вопросу о русской колонизации, 1903: 6]. По мнению чиновника, причины низкой продуктивности русского крестьянского элемента в колонизации края следует искать не в неблагоприятных условиях местной природы, а «исключительно в своеобразном подборе самих переселенцев» [К вопросу о русской колонизации, 1903: 7], что было созвучно и с мнением краевой администрации [НА Руз. Ф. И-1. Оп. 17. Д. 858. Л. 18–18 об.].

А. А. Кауфман подчеркивал, что основным типом переселенцев, на которых возлагались надежды как на носителей русской культуры — либо бывшие приисковые рабочие, не знакомые с нюансами земледельческого труда, либо «кустанайцы», совершившие регулярные ремиграции в поисках лучших мест. Между тем, эскалация в переселенческом движении группы профессиональных землепашцев из Европейской России на рубеже XIX–XX вв. не даёт значимого эффекта, поскольку среди переселенческой массы абсолютно преобладают крестьяне, идущие в Туркестан безо всяких средств [К вопросу о русской колонизации, 1903: 10–11].

Скепсис организаторов переселенческого дела в Туркестанском крае по отношению к русскому крестьянству сохранялся и в последующие годы, причём как в плоскости хозяйственной деятельности, так и коммуникаций крестьянства с автохтонным населением. Военный губернатор Ферганской области В. Сусанин в записке о состоянии переселенческого дела от 1908 г. фиксировал, что русские переселенцы, владеющие большими наделами, не желают собственноручно обрабатывать всю землю, а поручают эту работу сартам из части урожая. Алармизм чиновника был связан с тем, что в Туркеста-

не формировался слой землевладельцев-рантье со всеми невыгодными последствиями, как нравственного, так и экономического характера. По заключению губернатора, наиболее ценные земли, годные под интенсивную культуру, вредно отдавать русским переселенцам, так как они, когда занимаются трудом лично, «придерживаются неизменно привычной им системы трехпольного хозяйства, засевая из года в год одну пшеницу» [НА РУз. Ф. И-1. Оп. 12. Д. 1305. Л. 94].

А. И. Гиппиус, приемник В. Сусанина, в 1909 г. докладывал Туркестанскому генерал-губернатору А. В. Самсонову о грустном впечатлении, сложившемся в ходе осмотра переселенческих посёлков Наманганского уезда, констатируя, что «за силой и блеском русского оружия, обеспечившим спокойствие среди местного населения, должна была последовать демонстрация нравственной силы: здоровья, трезвости, настойчивого труда..., либо ограничиться одной только отборной администрацией и русским судом...» [НА РУз. Ф. И-1. Оп. 17. Д. 748. Л. 96]. По заключению А. И. Гиппиуса, земледельческая колонизация Туркестана лишена какого-либо ясного плана, а переселенцы представляют собой «сброд случайных людей, без всякой внутренней связи, безо всякого нравственного устоя» [НА РУз. Ф. И-1. Оп. 17. Д. 748. Л. 161].

Несмотря на количественный прирост переселенческого движения и числа образованных русских посёлков, отмечаемые в отчётах правительственные чиновников, к началу XX в. корневая политическая задача русификации, предполагавшая культурное выравнивание населения средствами образования усилить постоянным притоком аграрных мигрантов из европейской части страны, оказалась нерешённой. По данным материалов ревизии Туркестанского края, проведённой под начальством К. К. Палена к 1905 г. в Сыр-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской областях, входивших в ареал российской земледельческой колонизации, собственно русского населения насчитывалось 3,5; 0,4; 1,5% от общего числа жителей соответственно [Переселенческое дело в Туркестане, ревизия К. К. Палена: 1910: 96]. Но основная проблема, породившая впоследствии рост межэтнической конфронтации как реакции на ход и результаты переселенческого движения, сводилась к отсутствию координации в деятельности центральной и региональной властей. Организация русских посёлков в Туркестанском крае являлась производным инициативы и личных решений местных администраций (генерал-губернаторов и их подчинённых), с одной стороны сознававших необходимость заселения территории региона русским элементом, с другой — стремившихся поддержать преобладавшие численно и перешедшие к оседлости группы коренного населения (сарты и др.), предоставляя им земельные наделы, что приводило к резкому сокращению колонизационного фонда.

Как преломлялась имперская политика веротерпимости в системе координат переселенческого процесса в Туркестанском крае

Одним из важных факторов, оказавших действенное влияние на обсуждение, ход и результаты переселенческого дела в Туркестане, выступила конфессиональная политика Российской империи, основанная на принципе веротерпимости. Принимая во внимание сложившееся в историографии коммуникативное согласие, в рамках которого российские интересы в регионе не ограничивались спектром решения экономических (эксплуатация ресурсов) и внешнеполитических (защита торговых путей

и соперничество с Англией) задач, являясь частью политики инкорпорации территорий и коренного населения, практические мероприятия, осуществляемые в религиозном пространстве Туркестана, всецело определялись представлениями местной российской бюрократии. К этому следует добавить, что представления об устройстве введенного генерал-губернаторам региона становились руководством к действию для чиновничества и не требовали обязательного согласования с центральной властью. Так, назначение А. П. фон Кауфмана на должность Туркестанского генерал-губернатора сопровождалось указанием о праве высшего губернского чиновника не только решать самостоятельно организационные вопросы, но и вести войны, а также заключать мирные договоры [Кауфманский сборник, 1910: IX].

Как утверждает Р. Круз со ссылкой на долгосрочный исследовательский опыт отечественных и зарубежных специалистов, ислам являлся главным препятствием для имперской интеграции Центральной Азии [Круз, 2020: 260]. По мнению историка, с момента включения Туркестана в состав Российской империи генерал-губернатор края А. П. фон Кауфман декларировал политику игнорирования ислама, запретив православной церкви заниматься миссионерством [Круз, 2020: 260–261]. Демонстрация индифферентного отношения к исламу, по мнению педагога и общественного деятеля Н. И. Остроумова, была достаточно типична для российских политических элит. Так, А. П. фон Кауфман был искренне убеждён в том, что мусульманская культура отжила свой век и неспособна к дальнейшему государственному прогрессу [Кауфманский сборник, 1910: 140], что легитимировало право администраций «проводить русско-государственный взгляд в среду туземцев» [Кауфманский сборник, 1910: 140].

Переселения крестьян из европейских губерний России, с точки зрения высшей администрации Туркестанского края в 1870–1880-х гг., позиционировалось как один из инструментов трансляции русско-государственного подхода в колонизации, призванного распространить влияние российского аграрного опыта в среде автохтонов-кочевников и посредством создания плотной массы земледельческого населения православного вероисповедания ограничить влияние на киргизов и оседлых сартов-мусульман и казанских татар. Н. Остроумов в воспоминаниях о своей службе в Туркестане писал, что А. П. фон Кауфман в частных беседах неоднократно сетовал на фанатизм казанских татар и «их вредное влияние на туземцев Туркестанского края» [Остроумов, 1899: 11]. Примечательно, что частные рассуждения генерал-губернатора оформились впоследствии в официальном документе — Всеподданейшем отчёте, в котором сообщалось, что утверждение татарских мусульманских центров на окраинах империи было результатом коммерческих отношений поволжских татар с кочевниками, а результат татарской иммиграции выразился в торговой эксплуатации кочевого населения, к которой присоединилась религиозно-мусульманская пропаганда [Остроумов, 1899: 11–12].

Основным контрагументом против татарской религиозной экспансии, к которому прибегла высшая краевая администрация, стало стремление направлять переселенческие потоки в те местности Туркестана, которые не только отвечали потребностям земледельческого хозяйства, но и являлись центром сосредоточения кочевых сообществ, а именно уезды Сыр-Дарьинской области (Чимкентский, Аулиеатинский). В стремлении максимально расположить кочевников к России и её представителям в регионе —

переселенцам, местные власти при формировании фонда водворения земледельцев из европейских губерний страны в конце XIX — начале XX в. использовали средства весьма далёкие от законных, действуя по прецеденту: при устройстве каждого русского посёлка в Туркестане администрация заключала соглашение с кочевниками об уступке земли за денежное вознаграждение или взаимообразные услуги [Гаврилов, 1910: 6].

Введённые в 1903 г. правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казённые земли Туркестанского края не привели к полному урегулированию поземельных отношений кочевых и переселенческих хозяйств, а рост земледельческих миграций в Туркестане, наметившийся в 1906 г., стимулировал конфликтность и открывал дополнительные возможности для исламской пропаганды среди коренного кочевого населения [Гаврилов, 1910: 7]. А.А. Половцов в отчёте о поездке в районы русских посёлков в Туркестане сообщал следующее: «В наделы крестьян пришлось включить земли, обрабатываемые киргизами. Такое отношение администрации к праву пользования киргиз землёю не могло не развить среди крестьян довольно пренебрежительного отношения к кочевникам и подстрекало их к самовольным поступкам» [Половцов, 1898: 72–74].

Наряду с факторами нормативно-правового и экономического характера, в организации переселенческого дела важное значение приобретал культурно-религиозный потенциал российского крестьянства: так называемое нравственное чувство основного субъекта русской колонизации, серьёзно преувеличеннное в отечественном охранительном дискурсе пореформенного времени. О несоответствии ожиданий и результатов влияния русского православного населения на представителей кочевых и оседлых сообществ коренного населения Туркестанского края озабоченно свидетельствовали непосредственные участники переселенческого дела — имперские чиновники, в своих отчётах и докладных записках о ходе водворения и обустройства крестьян Европейской России в Туркестане. Будучи хорошо знакомыми с опытом аграрно-колониционных мероприятий в сибирских губерниях, исследователи неоднократно отмечали, что русские поселенцы, живя в Сибири не компактными поселениями, а дисперсно расселяясь среди коренных народов, быстро ассимилируются ими, что подтверждают и результаты совместного проживания русских и инородцев в Туркестанском крае [Иванов, 1890: 234]. А. Иванов резюмировал: «...если горожанин, имеющий осадлость и семью в городе, может окиргизиться, то что же говорить о колонистах-крестьянах, заброшенных в глухи среди массы инородцев?» [Иванов, 1890: 234]. А.А. Кауфман, выделяя среди русских переселенцев группы пришедших самовольно, либо на законных основаниях из европейской части России как успешно устроенных в экономическом отношении, тем не менее отмечал готовность данной категории крестьянства двинуться незамедлительно на новые места, констатируя, что хозяйственные успехи российских переселенцев часто завышаются за счёт иноконфессиональных сообществ, устроившихся в Туркестане усилиями своих однообщинников [К вопросу о русской колонизации, 1903: 13].

Не менее существенным фактором, амортизировавшим достижения России в религиозной компоненте переселенческого процесса, являлась слабая воцерковлённость российского крестьянства, что на фоне активной деятельности мусульманских пропо-

ведников в среде кочевого населения значительно снижало эффект пропаганды и продвижения «русского дела» в регионе. А. Иванов в своём описании одной из лучших русских крестьянских колоний Туркестанского края с удивлением писал, что за 14 лет своего существования крестьяне посёлка в 100 дворов «...не смогли сговориться и устроить в своём селении хоть маленьку церковь, хоть не каменную, а деревянную или даже в виде войлочной палатки» [Иванов, 1890: 240]. По свидетельству самих крестьян, они приписаны к причту, расположенному за 90 вёрст, поэтому живут как нехристи, тогда как у мусульман молитвенные дома или мечети в каждом селении [Иванов, 1890: 240].

В материалах отчётного характера по результатам деловых поездок, связанных с ознакомлением с постановкой переселенческого дела в Туркестанском крае начала XX в., одним из центральных становится сюжет о качестве колонизационного материала, при этом религиозной составляющей придавалось особое самостоятельное значение. Имперские чиновники, размышляя о перспективах освоения отдалённых окраин, в качестве идеала колонизатора видели преимущественно иноэтнических и иноконфессиональных переселенцев — «предприимчивых, зажиточных, знающих страну», «одушевлённых религией, развитых, трудолюбивых, трезвых», «которые куда ни придут, везде найдут себе Америку» [Иванов, 1890: 239]. По мнению А. Иванова, к группам, наиболее успешно реализовавшим свой колонизационный потенциал, относились раскольники, сумевшие создать образцовые поселения не только в пределах России, но и в мусульманских странах [Иванов, 1890: 239].

Подводя итоги российскому опыту организации переселенческого дела в Туркестане к началу XX в., имперские эксперты согласованно писали о необходимости сохранять русское доминирование в аграрной сфере экономики, отмечая при этом и реальное наметившиеся угрозы, усиленные переселенческим процессом: изъятие земель у кочевников и пренебрежение к исконным правам местного населения и к их привычному хозяйственному укладу [Переселенческое дело в Туркестане, ревизия К. К. Палена: 1910: 418]. По убеждению К. К. Палена, «переселенцы не снискали себе уважения среди туземцев, и беспорядочным укладом жизни нередко отвращают коренное население от принятия русских обычаяев и русской культуры, чем раздражают туземцев и закладывают семена национальной розни и религиозной вражды» [Переселенческое дело в Туркестане, ревизия К. К. Палена: 1910: 418].

Следует отметить, что рекомендации чиновников — участников переселенческого дела, к началу XX в. изменившись от сугубо русификационных проектов к более сложным конструкциям постановки дел в сфере колонизации и переселений. В дискурсе чиновников теперь отчётливо прослеживались не только призывы к необходимости планирования переселений в регион и обустройства русского крестьянства, но и соображения относительно улучшения человеческого материала в среде основных субъектов переселенческого процесса. Показательно, что имперские эксперты в качестве рекомендаций непосредственным организаторам переселенческого дела в Туркестане настоятельно советовали усилить работу по строительству православных церквей и созданию плотной системы причтов, обеспечив при этом максимально компактное расселение русских переселенцев. Важным пунктом в резюмирующих разделах отчётов и публикаций в начале XX в. становилось пожелание активного включения в переселенческие

партии, направлявшиеся в Туркестан, раскольников и сектантов. Колонизационные возможности религиозных диссидентов эксперты связывали с зажиточностью, предприимчивостью, трезвостью и особенно — религиозностью, что могло иметь не только культурное, но и политическое значение в колонизуемом регионе [Иванов, 1890: 243].

Новое направление в этнокультурной части колонизационной и переселенческой политики в Туркестане наиболее лаконично озвучил К. К. Пален, заявив, что привлечение в край наиболее сильных представителей русской народности позволит одержать в крае победу гением народа, а не захватом обработанных земель через посредство правительственные органов [Переселенческое дело в Туркестане, ревизия К.К. Палена: 1910: 418–419].

Заключение

Таким образом, во второй половине XIX — начале XX в. в сообществе имперских экспертов — учёных, публицистов, общественных деятелей, чиновников, конструируется дискурс переселенческого дела в Туркестанском крае, являвшийся продуктом представлений российской власти и общества о колонизации восточных окраин империи. В центре риторики акторов дискурса располагался тезис о том, что организация переселенческого дела в Туркестанском крае во второй половине XIX — начале XX в. является одним из инструментов имперской политики России на её восточных окраинах, определяемых как продолжение территориального пространства Российской империи, что сопровождалось комплексом идентичных колониальных ситуаций: отдалённость от центра, сложные природно-климатические условия, преобладание автохтонного населения над пришлым и, как следствие, особенности его культурной интеграции. Вместе с тем колонизация Туркестана, вошедшего в состав России в 1860–1870-х гг., характеризовалась рядом специфических моментов, определивших содержание дискурса и практики политики населения в регионе, располагавшемся в «оптике» geopolитических интересов как европейских, так и азиатских государств, что значительно актуализировало сферы этнокультурной и конфессиональной идентичности различных групп автохтонного и пришлого населения региона. В данном отношении процесс становления и последующей эволюции переселенческого дела в регионе, субъекты которого — крестьяне европейской части России, объявлялись трансляторами русской цивилизаторской миссии, находился в тесной зависимости от широкого спектра обстоятельств политического характера. Стремление имперской власти расположить кочевое население (киргизы) к русскому присутствию и тем самым амортизировать поземельные конфликты исключало приданье переселенческому движению легитимных форм. Желание свести к минимуму вероятность конфронтации с оседлыми группами, исповедующими ислам (сарты), породило политику игнорирования, а впоследствии прямой поддержки мусульманства и его адептов, что в условиях отсутствия российских миссионерских практик открывало благоприятные перспективы для деятельности в Туркестанской крае мусульманских пропагандистов. «Самостоятельность» переселенческой политики, реализуемой в сложных этнических и конфессиональных обстоятельствах колонизации региона, выражалась в признании самовольного переселения аграрных мигрантов из Европейской России пост-фактум, что лишало российскую власть и переселенческие учреждения возможности выбора контингента, адекватного местам все-

ления. Ставка на русского крестьянина-переселенца по критерию этничности в непростых для земледельца условиях хозяйственной деятельности оказалась ошибочной, поскольку основная масса мигрантов, уходившая от российского малоземелья, в новых обстоятельствах продолжала транслировать сложившийся экстенсивный опыт землепользования, не являясь культурным ориентиром для коренного населения в материальном и духовном отношениях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абашин С.Н. Размышления о «Центральной Азии в составе Российской империи» // Ab Imperio. 2008. № 4. С. 456–471.

Абашин С. Н. Туркестан в имперской политике России : монография в документах. М. : Кучково поле, 2016. 880 с.

Бартольд В.В. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии // Сочинения. Т. 2. М. : Наука, 1964. Ч. 2. 657 с.

Беккер С. Россия и концепт империи // Новая имперская история постсоветского пространства : сб. статей. Казань : Центр Исследования национализма и империи, 2004. С. 67–81.

Брежнева С. Н. Отражение идеи аккультурации в переселенческой политике Российской империи в Туркестане на рубеже XI–XX вв. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2018. Т. 17, № 3. С. 608–638.

Венюков М.И. Очерк политической этнографии стран, лежащих между Россиею и Индию. СПб. : тип. В. Безобразова и К°, 1878. 22 с.

Григорьев В.В. Об отношении России к Востоку: Речь, произнес. исправляющим должностъ проф. В. Григорьевым. Одесса, 1840. 18 с.

Дашковский П. К., Шершнева Е. А. Религиозная политика Российской империи в отношении мусульманских общин Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. // Мировоззрение населения южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. 8. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 242–264.

Ерохина О.В., Шайдуров В. Н. Российские немцы в Туркестанском генерал-губернаторстве: переселение и хозяйственная деятельность (последняя треть XIX — начало XX в.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 3 (62). С. 160–169.

Иванов А. И. Русская колонизация в Туркестанском крае. СПб. : Тип. Т-ва «Общественная польза», 1890. С. 226–244.

Иноятова Д. М. Опыт толерантного взаимоотношения народов Узбекистана (на примере аkmечетских меннонитов Хорезма) // Журнал фронтирных исследований. 2023. Т. 8, № 3 (31). С. 157–170.

Исаев А.А. Переселения в русском народном хозяйстве. СПб. : А. Ф. Цинзерлинг, 1891. 192 с.

К вопросу о русской колонизации Туркестанского края : Отчёт члена учёного комитета Министерства земледелия и государственных имуществ А. А. Кауфмана по командировке летом 1903 г. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1903. 205 с.

Катков М. Н. Идеология охранительства. М. : Институт русской цивилизации, 2009. 800 с.

- Катков М. Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». М., 1897. 671 с.
- Кауфман А. А. Агрономическая помощь в России. Историко-статистический очерк. Самара : Тип. губ. земства, 1915. 32 с.
- Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. 349 с.
- Кауфманский сборник, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края генерал-адъютанта К. П. фон-Кауфмана. М. : Типо-литография И. Н. Кушнерёва, 1910. 247 с.
- Кирильчик Д. В. Цивилизаторская политика России в Туркестане и место в ней русских крестьян-переселенцев (вторая половина XIX — начало XX в.) // Новое прошлое. 2021. № 2. С. 84–95.
- Круз Р. За пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии. М. : Новое литературное обозрение, 2020. 408 с.
- Национальный архив Республики Узбекистан (НА РУз.). Ф. 7. Оп. 1. Д. 5020.
- Национальный архив Республики Узбекистан Ф. И-1. Оп. 17. Д. 748.
- Национальный архив Республики Узбекистан Ф. И-1. Оп. 17. Д. 858.
- Национальный архив Республики Узбекистан. Ф. И-1. Оп. 12. Д. 1305.
- Национальный архив Республики Узбекистан. Ф. И-1. Оп. 12. Д. 1305.
- Остроумов Н. П. Константин Петрович фон-Кауфман, устроитель Туркестанского края. Ташкент : Типо-литография Бр. Каминских, 1899. 286 с.
- Переселенческое дело в Туркестане: Отчёт по ревизии Туркестанского края, произведённой графом К. К. Паленом. СПб. : Сенатская тип., 1910. 429 с.
- Переселенческое дело в Туркестанском крае (области Сыр-Дарьинская, Самаркандская, Ферганская): Отчёт по служебной поездке в Туркестан осенью 1910 г. чиновника особых поручений при Переселенческом управлении Н. Гаврилова. СПб. : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершуни, 1911. 336 с.
- Половцов А. А. Отчет о положении переселенческого дела в Туркестанском крае в 1896–1897 гг. СПб. : Тип. МВД, 1898. 231 с.
- Ремнёв А. В., Суворова Н. Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX — начала XX века. Омск : Наука, 2013. 248 с.
- Собрание передовых статей «Московских ведомостей» / М. Н. Катков. М. : Издание С. П. Катковой, 1897–1898. 785 с.
- Тольц В. «Собственный восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский период. М. : Новое литературное обозрение, 2013. 336 с.
- Ходарковский М. Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500–1800. М. : Новое литературное обозрение, 2019. 352 с.
- Цыряпкина Ю. Н. «Борьба за русское дело»: имперская колонизация Туркестана // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10. № 5. С. 1625–1641.
- Чуркин М. К. Азиатская периферия как «собственный восток России» в дискурсе епархиальной периодической печати Западной Сибири и Степного края (вторая половина XIX — начало XX вв.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2024. Т. 15, № 2. С. 36–53.

References

- Abashin S. N. *Razmyshleniya o “Tsentral’noi Azii v sostave Rossiiskoi imperii”* [Reflections on “Central Asia within the Russian Empire”]. *Ab Imperio* [Ab Imperio]. 2008, no. 4, pp. 456–471 (in Russian).
- Abashin S. N. *Turkestan v imperskoi politike Rossii: monografiya v dokumentah* [Turkestan in the imperial policy of Russia: a monograph in documents]. Moscow: Kuchkovo pole, 2016, 880 p. (in Russian).
- Bartol’d V. V. *Raboty po otdel’nym problemam istorii Srednei Azii* [Works on selected problems of the history of Central Asia]. Sochineniya [Essays]. Moscow: “Nauka”, 1964, vol. 2, 657 p. (in Russian).
- Bekker S. *Rossiya i koncept imperii* [Russia and the Concept of Empire]. *Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva: sb. statei* [New Imperial History of the Post-Soviet Space: Collection of Articles]. Kazan: “Centr Issledovaniya Nacionalizma i Imperii”, 2004, pp. 67–81 (in Russian).
- Brezhneva S. N. *Otrazhenie idei akkul’turatsii v pereselencheskoi politike Rossiiskoi imperii v Turkestane na rubezhe XI–XX vv.* [Reflection of the idea of acculturation in the resettlement policy of the Russian Empire in Turkestan at the turn of the XI–XX centuries]. *Vestnik RUDN. Ser.: Istorija Rossii*. [Vestnik RUDN. Ser.: History of Russia] 2018, vol. 17, no. 3, pp. 608–638 (in Russian).
- Churkin M. K. *Aziatskaya periferiya kak “sobstvennyi vostok Rossii” v diskurse eparkhial’noi periodicheskoi pechati Zapadnoi Sibiri i Stepnogo kraja (vtoraya polovina XIX — nachalo XX vv.)* [Asian periphery as “Russia’s own East” in the discourse of diocesan periodicals of Western Siberia and the Steppe region (second half of the XIX — early XX centuries)]. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul’tury, smysly* [Locus: people, society, cultures, meanings]. 2024, vol. 15, no. 2, pp. 36–53 (in Russian).
- Cryapkina Yu. N. *“Bor’ba za russkoe delo”: imperskaya kolonizatsiya Turkestana* [“Struggle for the Russian cause”: imperial colonization of Turkestan]. *Quaestio Rossica* [Quaestio Rossica]. 2022, vol. 10, no. 5, pp. 1625–1641 (in Russian).
- Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A. Religioznaya politika Rossiiskoi imperii v otnoshenii muslimanskikh obshchin Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v. [Religious policy of the Russian Empire in relation to the muslim communities of Western Siberia in the second half of the 19th — early 20th century]. *Mirovozzrenie naseleniya yuzhnoi Sibiri i tsentralnoj Azii v istoricheskoi retrospective* [Worldview of the population of southern Siberia and Central Asia in historical retrospect]. Barnaul: Alt. Univ. Publ., 2015, vol. 8, pp. 242–264. (in Russian).
- Erohina O. V., Shajdurov V. N. Rossiiskie nemtsy v Turkestanskom general-gubernatorstve: pereselenie i khozyaistvennaya deyatel’nost’ (poslednyaya tret’ XIX — nachalo XIX v.) [Russian Germans in the Turkestan Governorate-General: resettlement and economic activity (last third of the 19th — early 20th centuries)] // *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]. 2023, no. 3 (62), pp. 160–169 (in Russian).
- Grigor’ev V. V. *Ob otnoshenii Rossii k Vostoku: Rech’, proiznes. ispravlyayushchim dolzhnost’ prof. V. Grigor’evym* [On the attitude of Russia to the East: Speech, delivered by Prof. V. Grigoriev]. Odessa, 1840. 18 p. (in Russian).

Hodarkovskiy M. *Stepnye rubezhi Rossii: kak sozdavala's kolonial'naya imperiya. 1500–1800* [Steppe frontiers of Russia: how the colonial empire was created. 1500–1800]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019, 352 p. (in Russian).

Inoyatova D. M. Opyt tolerantnogo vzaimootnosheniya narodov Uzbekistana (na primere akmechetskikh mennonitov Khorezma) [The experience of tolerant relations between the peoples of Uzbekistan (on the example of the Akmecheti Mennonites of Khorezm)] *Zhurnal frontirnyh issledovanij* [Frontier Research Journal]. 2023, vol. 8, no. 3 (31), pp. 157–170 (in Russian).

Isaev A. A. *Pereseleniya v russkom narodnom khozyajstve* [Resettlement in the Russian national economy]. St. Petersburg: A. F. Cinzerling, 1891, 192 p. (in Russian).

Ivanov A. I. *Russkaya kolonizatsiya v Turkestanskem krae* [Russian colonization in the Turkestan region]. St. Petersburg: Tip. T-va "Obshchestvennaya pol'za", 1890, pp. 226–244 (in Russian).

K voprosu o russkoi kolonizatsii Turkestanskogo kraja: Otchyot chlena uchyonogo komiteta Ministerstva zemledeliya i gosudarstvennykh imushchestv A. A. Kaufmana po komandirovke letom 1903 g. [To the Question of Russian Colonization of the Turkestan Territory: Report of A. A. Kaufman, a member of the Scientific Committee of the Ministry of Agriculture and State Property, on a business trip in the summer of 1903]. St. Petersburg: Tip. V. Kirshauma, 1903, 205 p. (in Russian).

Katkov M. N. *Sobranie peredovykh statei Moskovskikh vedomostei* [Collection of advanced articles of the Moscow Vedomosti]. Moscow, 1897, 671 p. (in Russian).

Katkov M. N. *Ideologiya okhranitel'stva* [The ideology of protection]. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii Publ., 2009, 800 p. (in Russian).

Kaufman A. A. *Agronomicheskaya pomoshch' v Rossii. Istoriko-statisticheskii ocherk* [Agronomic assistance in Russia. Historical and Statistical Sketch]. Samara: Tip. gubernatora zemstva, 1915, 32 p. (in Russian).

Kaufman A. A. *Pereselenie i kolonizatsiya* [Resettlement and colonization]. St. Petersburg: Tip. t-va "Obshchestvennaya pol'za", 1905, 349 p. (in Russian).

Kaufmanskiy sbornik, izdannyi v pamyat' 25 let, istekshikh so dnya smerti pokoritelya i ustroitelya Turkestanskogo kraja general-ad'yutanta K. P. fon-Kaufmana [Kaufman's collection, published in memory of 25 years since the death of the conqueror and organizer of the Turkestan region, Adjutant General K. P. von Kaufman]. Moscow: Tipto-litografiya I. N. Kushneryova, 1910, 247 p. (in Russian).

Kiril'chik D. V. *Tsivilizatorskaya politika Rossii v Turkestane i mesto v nei russkikh krest'yan-pereselencev (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.)* [Civilization policy of Russia in Turkestan and the place in it of Russian peasant settlers (the second half of the XIX — the beginning of the XX century)]. *Novoe proshloe* [New Past]. 2021, no. 2, pp. 84–95 (in Russian).

Kruz R. *Za proroka i tsarya. Islam i imperiya v Rossii i Tsentral'noi Azii* [For the Prophet and the Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020, 408 p. (in Russian).

Natsional'nyi arkhiv Respubliki Uzbekistan (NA RU) [National Archive of the Republic of Uzbekistan]. Fund 1–1. Inventory 12. File 1305. (in Russian).

Natsional'nyi arkhiv Respublikи Uzbekistan (NA RU) [National Archive of the Republic of Uzbekistan]. Fund 7. Inventory 1. File 5020 (in Russian).

Natsional'nyi arkhiv Respublikи Uzbekistan (NA RU) [National Archive of the Republic of Uzbekistan]. Fund 1–1. Inventory 17. File 748 (in Russian).

Natsional'nyi arkhiv Respublikи Uzbekistan (NA RU) [National Archive of the Republic of Uzbekistan]. Fund 1–1. Inventory 17. File 858 (in Russian).

Ostroumov N. P. *Konstantin Petrovich fon-Kaufman, ustroitel' Turkestanskogo kraя* [Konstantin Petrovich von Kaufman, the organizer of the Turkestan region]. Tashkent: Tipolitografiya Br. Kaminskikh, 1899, 286 p. (in Russian).

Pereselencheskoe delo v Turkestane: Otchyt po revizii Turkestanskogo kraя, proizvedyonnoi grafom K.K. Palenom [Resettlement business in Turkestan: Report on the revision of the Turkestan region made by Count K. K. Palen]. St. Petersburg: Senatskaya tip., 1910, 429 p. (in Russian).

Pereselencheskoe delo v Turkestanskom kraе (oblasti Syr-Dar'inskaya, Samarkandskaya, Ferganskaya): Otchyt po sluzhebnoi poezdke v Turkestan osen'yu 1910 g. chinovnika osobykh poruchenii pri Pereselencheskom upravlenii N. Gavrilova [Resettlement in the Turkestan region (Syr-Darya, Samarkand, Fergana regions): Report on the official trip to Turkestan in the fall of 1910 by N. Gavrilov, an official of special assignments at the Resettlement Administration]. St. Petersburg: Tip. F. Vajsberga i P. Gershuni, 1911, 336 p. (in Russian).

Polovcov A. A. *Otchet o polozhenii pereselencheskogo dela v Turkestanskom kraе v 1896–1897 gg.* [Report on the situation of the resettlement business in the Turkestan region in 1896–1897] St. Petersburg: Tip. MVD, 1898, 231 p. (in Russian).

Remnyov A. V., Suvorova N. G. *Kolonizatsiya Aziatskoi Rossii: imperskie i natsional'nye stsenarii vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka* [Colonization of Asiatic Russia: Imperial and National Scenarios of the Second Half of the XIX — the Beginning of the XX Century]. Omsk: Nauka, 2013, 248 p. (in Russian).

Sobranie peredovyh statei Moskovskikh vedomostei [Collection of advanced articles of the Moscow Vedomosti]. Moscow: Izdanie S. P. Katkovoj, 1897–1898, 785 p. (in Russian).

Tol'c V. “*Sobstvennyi vostok Rossii*”: *Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskii period* [“Russia's Own East”: Identity Politics and Orientalism in the Late Imperial Period]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013, 336 p. (in Russian).

Venyukov M. I. *Ocherk politicheskoi etnografii stran, lezhashchikh mezhdu Rossieyu i Indieyu* [Ocherk politicheskiye ethnografii straniya, lying between Russia and India.]. St. Petersburg: tip. V. Bezobrazova i K°, 1878, 22 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 13.10.2024

Принята к публикации: 21.06.0000

Дата публикации: 29.12.2025